

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д.филос.н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК: ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ МАРГИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Принято считать, что в основе социальной и правовой стабильности любого общества лежит консенсус в отношении добродетели — фундаментальных ценностей должного поведения, способов их поддержания и воспроизведения. И, наоборот, разрушение этого консенсуса — признак утраты стабильности и расхождения позиций социальных институтов, групп и профессиональных сообществ в понимании и применении норм и санкций за их нарушение. Данное схематичное представление плохо объясняет параметры морального кризиса эпохи глобализации — утрата смысла понятия добродетели как основы нравственной вселенной человечества; отказ от универсальных нравственных стандартов, ранее поддерживавшихся религией или идеологией; растущий конфликт их интерпретаций в разных культурах, конфессиональных и этнических сообществах; противостояние ценностных иерархий внутри национальных культур и отдельных групп, а главное — отсутствие общих нравственных ориентиров, представлений о том, к чему следует стремиться. В этих условиях доминирующим мировым трендом стало обращение к кодификации норм так называемой «прагматической этики» — выработки разнообразных кодексов должного поведения для отдельных социальных и профессиональных групп, которые стремятся таким способом выразить свою идентичность, функции и место в динамике изменений социальной иерархии. Эта всеобщая мода на создание этических кодексов захватила и постсоветскую Россию, стала рассматриваться едва ли не как панацея от моральных искажений и основа эффективного социального регулирования. Между тем, кодификация этических стандартов всех без исключения социальных субкультур означает молчаливое признание как неустранимых противоречий, присутствующих в этих субкультурах, с конвенциональными стандартами добродетели, так и наличие той их части, которая не разделяет этих стандартов или однозначно восстаёт против них. На этой основе возникает явление моральной аномии (т.е. разрушения всей нормативной системы) и обоснования нон-конформистского и аморального поведения. Каковы должны быть параметры и пределы его принятия в демократическом обществе, а главное — кто их устанавливает? Этот круг проблем впервые становится предметом анализа в данной работе на основе всего корпуса новейших этических кодексов маргинальных сообществ современной России.

Ключевые слова: добродетель, порок, вера и разум, этические кодексы, конформистское поведение, девиантное поведение, преступное поведение, нигилизм, аморализм, моральная мизофобия, нравственное помешательство, маргинальные сообщества России.

JEL: K14, K15, L84, Z00

УДК: 172, 177, 34.096, 392, 393.05

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_145_163

© А.Н. Медушевский, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Добротель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 145–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_145_163.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Virtue and Vice: Ethical Codes of Marginal Communities in Modern Russia. Part 1 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 145–163. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_145_163.

Введение

Основные проблемы морального выбора — определение понятия добродетели, создание иерархии ценностей (должного и недолжного поведения), распределение их приоритетов, согласование установок разных социальных групп. Поиск решения связан с проблемой выбора оптимальной стратегии по многим параметрам — добро/зло, справедливость/несправедливость, поощрение/подавление, традиция/рациональность, коллективное/индивидуальное, общество/власть, государство/личность. В концентрированном виде эти вопросы отражены в этических стандартах, определяющих соотношение права и нравственности в некой социальной среде конкретного исторического периода. Данная область исследований определялась Монтескье понятием «духа законов», позволяющим раскрыть этическую составляющую «природы» и «принципа правления». В современной литературе она раскрывается как соотношение «моральной» и «юридической» конституций, конфликт которых в ходе «моральных революций» способен завершиться полным пересмотром конституционного строя с позиций изменившихся ценностных приоритетов общества¹.

На важность этой проблемы для экономической науки указывает, в частности, и выделение в корпусе экономических исследований особого направления — «Моральной экономики», представители которого делают особый акцент на специфике этических принципов различных экономических акторов (см., например: [Коломбатто, 2016; Макклоски, 2018]). А С. Боулз, в частности, отмечает, что именно А. Смиту как автору не только «Исследования о природе и причинах богатства народов», но и «Теории нравственных чувств» лучше других удалось описать причинно-следственный механизм, объясняющий, почему рынки поддерживают устойчивую гражданскую культуру [Боулз, 2017. С. 197]. Этика акторов экономической деятельности, относящихся к самым разным группам населения, включая маргинальные, оказывается в центре исследований столь важной для экономического развития темы, как общее и институциональное доверие. Как известно, показатели этого типа доверия в современной России крайне низки.

Утрата идеологического единства с крушением «Морального кодекса строителя коммунизма» в СССР спровоцировала нравственную аномию постсоветского общества, столкнувшегося с когнитивным диссонансом по всем значимым направлениям социального регулирования. Его выражением стал раскол в отношении этических норм — представлений о добре и зле, должном и порицаемом поведении, оказавшихся едва ли не противоположными у разных групп общества. В центре острых споров стоит само понятие добродетели, которое в аретологии традиционно связывается с представлением о человеческой природе — нормами, приближающими человека к совершенству

¹ «Моральная революция», следуя новейшим интерпретациям данного понятия, представляет собой сдвиг в моральной парадигме общества, подразумевающий коллективные изменения, в ходе которых значительное большинство населения принимает моральные убеждения, ранее отвергавшиеся этим же большинством. Примерами служат Реформация, отмена рабства, движение за гражданские права. Перестройка в СССР вполне описывается этим понятием. Разновидностью моральных революций можно считать не менее радикальную трансформацию таких убеждений в эпохи ретрадиционализации моральных представлений (религиозный фундаментализм, консервативные ценности, правый популизм). Структура таких революций определяется как противоречие «моральной» и «юридической» конституций общества, когда стабильные нормы права перестают отражать господствующие этические ценности и утрачивают легитимность. Двигателем моральных революций и их противоположности — моральных контрреволюций (или «консервативных революций») — признаётся изменение представлений общества о достоинстве. Новая концепция достоинства, противостоящая правовым установлениям, изначально фиксируется не в юридических актах, но в нравственных манифестах и кодексах этического поведения, принципы которых со временем могут стать основой нового права (см., например: [Eriksen, 2020; Baker, 2019; Appiah, 2010]).

или, напротив, ограничивающими несовершенные стороны его натуры². Источником таких этических норм высшего порядка выступают прежде всего «метафизические потребности духа, в силу которых размышлять над этическими и религиозными проблемами заставляет не материальная нужда, а внутренняя потребность постичь мир как осмысленное целое и занять по отношению к нему определённую позицию» [Вебер, 1994. С. 165–166]. Утрата единства представлений общества о добродетели, в целом свойственного советскому обществу, вела к моральному релятивизму, компенсировать который призваны были этические кодексы разной направленности, предлагающие прагматическое решение проблем нравственного самоопределения в контексте текущих дилемм морального выбора³.

Разнообразие этических кодексов выражает дифференциацию культурных моделей и их стиля⁴, особенности правовых семей [Цвайгерт, Кетц, 2000], институциональную структуру общества⁵ и иерархию самих моральных установок в контексте преследуемых целей⁶. Рассмотрение корпуса этических кодексов маргинальных сообществ выдвигает ряд дискуссионных проблем: на какие принципы должно опираться правовое регулирование вопросов, по которым в обществе не существует единой моральной позиции или, напротив, представлен набор противоположных моральных установок; как право должно реагировать на изменение моральных представлений общества или его сегментов — социальных, институциональных, профессиональных; наконец, как юридически оценить аморальные нормы, которые определённая часть общества считает моральными? Если принять в качестве основополагающего принципа морали демократического общества уважение права индивида на самоопределение, то как установить нравственные и правовые рамки его реализации и решить вопрос о том, кто должен это делать? Превалирование публичного интереса в этом регулировании означает ограничение свободы самовыражения, а предпочтение последней означает необходимость уважать все различные моральные ценности, включая наиболее сомнительные из них.

В данной работе сделана попытка обобщить тематику группы этических кодексов, редко попадающих в сферу внимания исследователей, но предлагающих альтернативные ответы на экзистенциальные вопросы бытия. Предлагаются ответы — во многом выходящие за рамки конвенциональной общественной морали и отражающие нравственные представления преимущественно маргинальных — девиантных и делинквентных — сообществ, занятых поиском своего места в условиях быстрой социальной трансформации, конечные цели которой никем не определены, а будущие результаты едва ли поддаются достоверному научному прогнозу.

² Аретология — этика добродетели. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 04.12.2025)

³ В поле зрения исследователей оказываются преимущественно правовые нормы, кодексы государственных служащих, корпораций и общественных организаций, но практически отсутствует исследование кодексов маргинальных сообществ (см.: [Медушевский, 2015; Оболонский, 2016; Frohnen, Garey, 2016]).

⁴ Стиль — это связность формы, структуры и функции. «Стиль, во-первых, характерен; во-вторых, своеобразен, в-третьих, соотносится с определённой манерой, модальностью, модой» [Кребер, 2004. С. 804].

⁵ Отношения, формирующие социальную структуру и её преемственность, основаны на ожидании воспроизведения определённых правил и образцов поведения. Для обозначения этого ожидания используется понятие института. Он определяется как «установленная или социально признанная система норм и образцов поведения, относящихся к тому или иному аспекту социальной жизни», для предотвращения отклонений от которых используются санкции — моральные, юридические или дисциплинарные [Рэдклифф-Браун, 2001. С. 271]. Это определение вполне подходит для этического кодекса, поскольку сам факт его составления является переломным этапом в институционализации определённого сообщества.

⁶ Понятие иерархии этических ценностей используется в исследованиях закрытых религиозных сообществ, например индийских каст, где оно выражает триединство человеческих целей — дхарме, артхе и каме (долге, выгоде и удовольствии) [Дюмон, 2001. С. 289]. Данная иерархия представлена и в этических кодексах разных социальных и профессиональных сообществ.

Смысл жизни и смерти в современных этических кодексах

Тема *смысла жизни и смерти* — сфера, разделяющая религиозный и светский тип мышления. В рамках религиозного сознания смысл жизни — в обретении спасения, служении как свободном нравственном выборе определённой бескорыстной деятельности. Этой цели противостоит искажённое представление о служении в религиозной, военной и государственной деятельности как способе достижения материального успеха государства или личности. Но как быть, если общество и государство требует от верующих и духовенства вещей, несовместимых с верой, — поддерживать несправедливые законы, создавать себе кумиров, выполнять присягу, убивать людей на войне, участвовать в сомнительных коммерческих предприятиях? Все эти вопросы отношений общества, государства и церкви, предельно остро поставленные ещё Л.Н. Толстым, сохраняют свою актуальность [Толстой, 2010]. Задача усматривается религиозными публицистами в переходе от ложного к истинному пониманию общественного служения в его духовном понимании — самоотверженной жертвенности и подвига, сочетающего смирение и величие духа⁷. В этом контексте обсуждается вопрос о создании этического кодекса священника. Место РПЦ в общественно-политической системе определяется её Уставом, принятым в 2000 г.⁸, а общие требования к священнослужителям, их права и обязанности, регулируются традициями, канонами и правилами церковного права и законодательством РФ⁹, но они не дают однозначного ответа на вопрос, *нужно ли принять специальный этический кодекс священника?*

Поведение священника в светском обществе — трудная тема дебатов с позиций церковной политики, которая во многом противостоит светской. Конфликт религиозной и светской морали заложен уже в определении того, что есть жизнь и как она возникает (с зачатия или рождения) и что есть смерть (прекращение биологического бытия человека или переход души к сверхматериальному бытию). В этическом кодексе православного врача отчётливо постулируется приоритет моральных ценностей над законодательством: «В случаях, когда законодательство вступает в противоречие с христианскими моральными принципами, врачи должны действовать таким образом, чтобы изменить закон, так как традиционные моральные ценности, непосредственно связанные с христианской моралью, значительнее, чем принимаемые действующими законодателями правовые нормы»¹⁰. Близкое отношение к жизни как высшей ценности отражено в ряде медицинских кодексов, основным мотивом которых становится продолжение жизни¹¹. Этим ценностям противостоит сегодня философия рационализма (в высшем проявлении — постгуманизма), предлагающая отказ от антропоцентрического взгляда на мир с пересмотром ключевых понятий гуманистической этики, демографии и социальной политики — в различных этических кодексах инструментального характера, делающих упор на экономическую или профессиональную эффективность государственных

⁷ К ложному пониманию общественного служения, по мнению священника, «стремятся в основном люди амбициозные, жаждущие власти, почестей, обладания и манипулирования людскими ресурсами, ищащие различных преимуществ, материальных и иных благ». Его подлинное понимание — государственное служение, основанное на национальном самосознании [Свешников, 2003].

⁸ Устав Русской Православной Церкви. Принят на Архиерейском соборе в 2000 г. (с последующими поправками). РПЦ Московская городская епархия. URL: <https://moseparh.ru/ustav> (дата обращения: 04.11.2025).

⁹ Требования к священнослужителям: их права и обязанности. Шамордино. URL: <https://www.shamordino.m.ru/osnovy-very/o-tainstvah-cerkvi/tainstvo-svjaschenstva/trebovaniya-k-svyashchennosluzhitelyam-ikh-prava-iobyazannosti.html> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁰ Этический кодекс православного врача. Принят на конференции «Церковь и медицина. Этика и мораль в современной медицине» в рамках Рождественских чтений 26 января 2012 г. Глинские чтения. URL: <https://old.glinskie.ru/common/message.php?table=news&num=23035> (дата обращения: 04.11.2025).

¹¹ Например: Кодекс профессиональной этики акушерок РФ. ГБПОУ «Кропоткинский медицинский колледж». URL: <http://goukmk.ru/?op=con&mid=12&param=1,410,1,1> (дата обращения: 04.11.2025).

и военных служащих, корпораций или профессиональных сообществ, особенно с учётом вызова искусственного интеллекта.

Конфликт духовного и светского служения в России выражен в классических вопросах об отношениях духовенства и государства — как соотносится исполнение религиозной миссии и правовых норм, предписываемых государством: имеет ли тайна исповеди абсолютный характер; как священник должен относиться к таким неоднозначным понятиям, как патриотизм, присяга и воинский долг в контексте евангельского требования непротивления злу насилием; участие в коммерческих предприятиях; необходимость реагировать на вызовы новых технологий. В этом контексте предметом дебатов остаётся вопрос о тайне исповеди, возможности отступления от которой остаются предметом спора¹². Важны такие аспекты темы, как кодекс поведения духовенства в соцсетях или особые функции военных священников¹³; возможность «совмещения служения полного времени и занятия бизнесом»¹⁴. Все эти темы обобщены в текущей дискуссии о том, возможно ли регулировать эти вопросы в специальном этическом кодексе духовенства? Ожидаемый ответ имел, разумеется, негативный характер¹⁵. Обет, данный священником перед лицом Бога и людей, — это «принятие своего рода определённого духовного кодекса чести, это — присяга, которой следует соответствовать до конца своих дней, это, в конце концов, проверка на порядочность и мужество, ответственность и честность, верность своему долгу»¹⁶. Главная опасность для священника или монаха, — следя данной позиции, — отказ от этого обета принятием светского взгляда на этику, допускающего компромиссы с нормами религиозной этики, оправдывающие движение к материальному успеху, в виде стремления к славе, власти и богатству¹⁷.

Иная концепция смысла служения представлена в кодексах светского типа, упирающихся на понятие «долга» индивида перед обществом и государством. *Война и мир* как область «встречи жизни со смертью» (по определению К. фон Клаузевица) — одна из ключевых тем, получивших отражение в новейших этических кодексах. Важным ориентиром для них могли бы служить кодексы чести старой русской армии¹⁸ или офицерские дуэльные

¹² Конституция и законодательство РФ гарантируют соблюдение тайны исповеди. Наделяя священника «свидетельским иммунитетом», некоторые решения Конституционного Суда, однако, позволяют констатировать, что в отличие от гражданского судопроизводства (где этот иммунитет имеет абсолютный характер) в уголовном судопроизводстве допускается отступление от него — священник вправе прибегнуть к раскрытию тайны исповеди для защиты определённого круга лиц. Остаётся неясным, определяется ли это отступление добной волей священника или превращается в его моральную обязанность, особенно в случае угрозы тяжких преступлений (например, актов террора, угрозы убийства, похищения и т.п.)? [Соломатин, 2017].

¹³ См., например: Православие Приамурья: Кодекс поведения священника в светском обществе. Благовещенская епархия. URL: <https://blaginform.ru/pravoslavie-priamurya-kodeks-povedeniya-svyashhennika/> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁴ Этические нормы священнослужителя в отношении финансов. Утверждено Генеральной Конференцией Российского объединенного Союза христианской веры евангельской (пятидесятников). 12.10.2011. Централизованная религиозная организация «Российский объединённый Союз христиан веры евангельской (пятидесятников). URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1378804> (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁵ «Священник служит Господу Иисусу Христу и Его святому благовестию, то есть Евангелию (с греческого “Евангелие” — это “благая весть”, или даже “радостная новость”). Поэтому ни в каких дополнительных “этических кодексах” священник принципиально не нуждается, он и так находится на вершине доступной человеческому пониманию этики». — Где этический кодекс поведения священников? Отцы.ру. URL: https://www.otsy.ru/main/vopros_o_sviashennikah?id=326 (дата обращения: 04.11.2025).

¹⁶ Митрополит Бориспольский и Броварской Антоний (Паканич). Кодекс чести священника. Чем опасно стремление стать «своим» среди чужих? Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. URL: https://ruskline.ru/opp/2019/avgust/06/kodeks_chesti_svyawennika_chem_opasno_stremlenie_stat_svoim_sredi_chuzhih (дата обращения: 4.11.2025).

¹⁷ Эти мотивы присутствуют в явной или завуалированной форме в ряде кодексов современных волонтёрских организаций, специальное рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

¹⁸ «Кодекс чести офицера Российской армии» 1904 г. (написан В. Кульчицким в период Русско-японской войны) опирается на максиму о том, что «в жизни бывают положения, когда надо заставить молчать своё сердце и жить рассудком». ЭКСПЕРТ. Группа компаний. Центр интеллектуальных психофизиологических технологий. URL: <https://expert-spfi.ru/kodex> (дата обращения: 04.11.2025).

кодексы¹⁹, но в действительности их влияние не стало значительным. В противоположность строгому рациональному формату традиционных военных нравственных установок, ряд современных кодексов апеллирует преимущественно к эмоциональной составляющей военной службы и вводит, фактически, этику милитаристского сознания. «Кодекс чести настоящего мужчины» (2017 г.)²⁰ использует понятие «братьской верности» (по крови), которая познаётся только «в бою» и стоит «многотысячных армий чужеземцев» (которым такая этика не свойственна). «Кодекс чести русского мужчины» (составленный женщиной) — инициативный документ, открытый для дополнений, — исходит из необходимости остановить «геноцид русского народа» и имеет поэтому ярко выраженный этно-националистический характер²¹. Таким образом, профессиональные кодексы чести военных (офицеров) трансформируются в военизированные кодексы этнического или гендерного типа, для которых характерно подчёркнутое внимание к «мужественности» и готовности умереть как социальной добродетели.

Моральные дилеммы, связанные с войной и убийством, обострились в связи с распространением наёмничества — созданием в условиях гибридных войн по всему миру так называемых частных военных компаний с неопределенным юридическим статусом, местом прописки (которое способно изменяться) и непрозрачными источниками финансирования. Если в рамках конвенциональных требований к военной службе эти этические принципы отодвигаются на задний план (до известной степени регулируются международным правом войны суверенных государств), то в случае с частными военными компаниями (действующими ради извлечения прибыли) их обсуждение требует дополнительной мотивации. Особый интерес представляет новейший «Кодекс ЧВК «Вагнер»» (2023 г.)²². Он включает, с одной стороны, такие ценности, как патриотизм («защищай интересы России всегда и везде»), этику военнослужащих («честь русского солдата — превыше всего») и даже приоритет идеальных устремлений над материальными («воюй не за деньги, а из принципа», которым является «победа»). Но, с другой стороны, не объясняет, как совместить эти моральные установки с определяющей мотивацией частной военной компании — извлечением коммерческой прибыли и готовностью лица, подписавшего контракт, убивать и погибнуть (в бою, или, в случае изменения, от рук товарищей). «Смерть в бою», в этой логике — не только естественна, но и предпочтительна²³. В целом, отмечают критики, «Вагнер» заменил закон корпоративным кодексом чести, провозгласив своим бизнесом — смерть.

Обращение к смерти с позиций светской морали — сравнительно новая тема, отражённая лучше всего в этике ритуальных услуг. Социологическое исследование этих услуг

¹⁹ «Дуэльный кодекс» В. Дурасова — вполне рациональная и детально разработанная инструкция по разрешению конфликтов, связанных с оскорблением офицерской чести и способов их удовлетворения [Дурасов, 1912].

²⁰ Кодекс чести настоящего мужчины (30.04. 2017). ВКонтакте. Армия/Выживание. URL: https://vk.com/wall-69793374_200258 (дата обращения: 04.11.2025).

²¹ Кодекс чести русского мужчины (М. Ефремова). Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZMORU6LsO2uT7qF6> (дата обращения: 04.11.2025).

²² Кодекс ЧВК «Вагнер» (15.11.2023). ВКонтакте. ЧВК/Оркестр, который знает весь мир! URL: https://vk.com/wall-219932746_182038 (дата обращения: 04.11.2025).

²³ Кодекс Вагнера, в отличие от старых кодексов офицерской чести, культивирует особый дух воинского братства, сплочённого круговой порукой, скрепляющими элементами которой являются: готовность к самопожертвованию («не сдаваться врагам» и предпочтеть смерть плену); взаимовыручке (готовность прикрыть товарища в бою) и уважению памяти погибших (поскольку «рано или поздно с ними встретишься»). Главным приоритетом выступает вовсе не «честь», а преодоление страха смерти, которое определяется как лейтмотив поведения — «нам уготована смерть в бою, а не немощным стариком на кровати». Негативными образцами поведения предстают именно те, которые определяют обычную мотивацию «солдат удачи» — отказ от мародёрства, пьянства и наркотиков, грабёж, насилие и убийство мирных жителей. Им противопоставляются скромность («не кичись своим ремеслом»), дисциплина (сохранение жетона) и верность организации.

свидетельствует о табуированности темы смерти в обществе и потому недостаточной осведомлённости о ней²⁴. Рынок ритуальных услуг — компромисс сакрального и профанного, *сфера принудительного потребления* (где покупатель услуги не может отказаться от её потребления) [Моисеева, 2010]. Профессиональная этика в этой сфере исключает возможности продажи и покупки информации о смерти, требует уважения воли покойного или его родственников²⁵. Кодекс этики ритуальных агентов требует от них определённого уровня культуры — знания различий обрядов похорон в зависимости от национальных особенностей и религиозных воззрений²⁶. Эти положения есть и в кодексах деловой этики в сфере ритуальных услуг²⁷. Отдельной сферой этического регулирования выступают требования к сотрудникам мемориалов²⁸. Но эти требования могут варьировать и иметь иной характер, например, для работников мавзолея Ленина (следить за состоянием тела вождя и выполнять инструкции по уходу за его телом), т.е. совокупность правил, существование которых одними рассматривается как противоречащее традиционным христианским ценностям в отношении погребения, другими — как символический объект, имеющий культурное и политическое значение (как это отражено в текущей дискуссии о перспективах сохранения тела Ленина)²⁹.

Сходные проблемы стоят перед краеведами, деятельность которых предполагает высокую моральную составляющую (места захоронений, личные фонды, конфиденциальная информация) и профессионализм, исключающий корыстные мотивы [Московчук, 2019]. Обращение к теме смерти характерно для работы поисковиков, кодекс которых говорит о важности «не допустить оскорблении памяти павших солдат» (независимо от их национальности)³⁰. Данный круг проблем затрагивает и деятельность объединений, изучающих захоронения жертв сталинских репрессий. Но он стоит также перед археологами, которые должны, помимо традиционных проблем (сохранения памятников культурного наследия, предотвращения их разграбления «чёрными копателями», определения правовых оснований национальной принадлежности и собственности артефактов), решать и вопрос взаимодействия с местным населением — теми, кто считает себя наследниками

²⁴ Социологическое исследование ритуальных услуг. Юго-Западный государственный университет. URL: <https://swsu.ru/kva/publikatsii-partnyerov-yuzgu/organizacija-pokhoron-pozhilogo-chjelovjeka-v-minskje.php> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁵ Профессиональная этика в ритуальной сфере. Московский справочник ритуальных услуг. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/professionalnaya-etika-v-ritualnoy-sfere> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁶ Этика ритуальных агентов. Форум сотрудников ритуальных служб. URL: <https://ritual-forum.ru/topic/6999-%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2/> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁷ Кодекс деловой этики и служебного поведения сотрудников и служебного поведения сотрудников МП г.о. Самара «Спецкомбинат ритуальных услуг», утверждён директором 11.01.2017. URL: <https://спецкомбинат-самара.рф/upload/iblock/223/kodeks-etiki.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁸ Некоторые из них представляются странными (для мемориалов). Например, это требование от работников таких качеств, как «эффективность и сплочённость» для достижения «высоких производственных результатов» (Кодекс этики и служебного поведения работников ОГАУК «Ленинский мемориал» в Ульяновской области 18.08.2016. Ленинский мемориал URL: <https://leninmemorial.ru/upload/medialibrary/c95/c95de74b582b6fd2c476d11afd4061e5.pdf> (дата обращения: 04.11.2025)).

²⁹ В отношении тела Ленина в постсоветский период обсуждалось три основных опции — его захоронение, коммерческое использование (в интересах туризма), превращение в музейный экспонат. Эта дискуссия ничем не закончилась. Новейший пример: во внесённый 7.07.2025 г. в Государственную думу депутатом от КПРФ законопроект включён пункт о запрете ликвидации и переименования объектов, связанных с памятью о Ленине, включая Мавзолей. — Федеральный закон «Обувековечении памяти В.И. Ульянова (Ленина). Проект». Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/960930-8> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁰ Важная этическая проблема — обращение с захоронениями солдат противника, которые требуют специального анализа. — Моральный кодекс поисковика. Поисковое движение России. URL: <https://rf-poisk.ru/moralnyy-kodeks-poiskovika.html> (дата обращения: 04.11.2025).

древнего населения, в том числе и с верующими, протестующими против раскопок древних могил. Эти древние могилы из объекта культурно-исторического значения могут легко превратиться в объекты сакрального значения³¹. Одним из инструментов решения подобных проблем признаётся разработка этического кодекса археологов.

Итак, тема жизни и смерти в актуальных этических кодексах выявляет острое противоречие самого смысла этих понятий — религиозных и светских норм, конфликт которых усиливается по мере коммерциализации соответствующих практик, ритуалов и обрядов, в контексте их моральной оценки как принципиально различных форм общественного служения.

Мужчины и женщины: кодексы гендерного типа

Отношения мужчин и женщин — традиционная сфера внимания художественных произведений, поскольку эмоциональное проявление чувства любви трудно поддается формализации. Но в последнее время эту область отношений стремятся интерпретировать *кодексы гендерного типа*. В сравнении с официальной советской сексуальной моралью³², постсоветский тип сексуального регулирования отличается дифференциацией позиций, демонстрируя широкий спектр установок: от «свободной любви» до религиозного аскетизма. Кодексы гендерного типа в современной России выражают общий тренд к воссозданию традиционных представлений о семье и роли мужчины и женщины, противостоя идеям гендерного разнообразия и нео-феминистской волне, характерных для Запада³³. Они делятся на два вида — кодексы мужчин и кодексы женщин, причём некоторые написаны представителями противоположного пола, отражая определённые социальные ожидания новейшего времени.

К первой категории относится ряд новейших кодексов мужского поведения. Характерен «Кодекс мужчины и отца Российской Федерации» (2020 г.)³⁴. Он разработан новым институтом — Федеральным Советом отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребёнка³⁵. Это свод этических правил, которые были разработаны «отцами России» в содружестве с историками и исследователями генезиса «традиции российского отцовства». Главные задачи Кодекса — сформировать в общественном сознании «истинные понятия о роли мужчины» и возродить институт наставничества в воспитании юноши

³¹ Открытия в археологии, как выясняется, ставят острую проблему этического свойства — неприятия населением как методов, так и целей раскопок — от гробниц фараонов до «Алтайской принцессы». Это может быть связано с проявлениями регионального национализма, верованиями или суевериями традиционного населения, в том числе с предрассудками, увязывающими вскрытие подобных гробниц со стихийными бедствиями и т.д. [Желудева, 2015].

³² В основу советской сексуальной морали, как считают некоторые исследователи, были положены «двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», выработанных А.Б. Залкиндом, фактически сохранивших значение до конца существования СССР. [Залкинд, 1924].

³³ Вопрос о том, что считать традиционными ценностями в отношении семьи не однозначен: считать ли ими исключительно признание семьи как «союза мужчины и женщины» или понимать их шире — как восстановление норм и представлений, восходящих к «Домострою»? Идёт ли речь о признании традиционной семьи в узком или широком смысле, например, её понимании в контексте родового быта, элементы которого сохранились на Кавказе? Включает ли понятие традиции исламские представления о многожёнстве? Как следует понимать принцип «уважения к старшим» (по возрасту, чину или социальному статусу)? Всё это ставит общую проблему: как разграничить реальную и изобретённую традицию?

³⁴ Кодекс мужчины и отца Российской Федерации. 2020. Единый правовой портал по просвещению граждан, Пермский край. URL: https://pravovsem59.ru/meropriyatiya/%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%86%D0%B0_2020-2.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

³⁵ О разработке и целях этого кодекса см.: «Кодекс мужчины и отца» разработан Федеральным Советом отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка. ВКонтакте. Сохраним семью — сберечём Россию. URL: https://vk.com/wall-155074174_4734 (дата обращения: 04.11.2025).

«достойным мужем и отцом». Пробудив личную ответственность каждого юноши и мужчины за свою семью и страну, полагают авторы, мы сможем содействовать формированию высоких моральных принципов созидания, чтобы сохранить историческую память и культуру нашего народа. Некоторые аналогичные документы адресованы молодёжной аудитории, например, «Кодекс современного мужчины»³⁶, который представляет собой, скорее, правила этикета для юношества. Интересно, что ряд кодексов этого типа имеет ограниченное число адресатов. Они апеллируют к мужчинам только определённого региона, например, курским мужчинам или тувинским мужчинам³⁷, или определённым социальным категориям — донскому казачеству (свод традиционных правил) для пробуждения его патриотических чувств³⁸. Есть и шутливые произведения, например «Кодекс правильного ловеласа», утверждающий, что для соблазнения женщины актуальны не столько технологии пикаперства, сколько стремление рассматривать её как ангела, которому следует «отдаваться всей душой»³⁹.

Кодексы женщин не имеют столь выраженной военно-патриотической направленности, но также отражают патриархальные представления, апеллируя к традиционной роли женщины, вдохновляющей мужчину на подвиги. Новейший Кодекс женщины⁴⁰ отмечает её роль в создании семьи и побуждении мужчин к смелым действиям, но при этом затрагивает и тему женской солидарности. Обсуждение этого кодекса, определённого СМИ как «девичий кодекс», выявило запрос на укрепление женской солидарности с учётом негативных сторон гендерных отношений (определяемых как «приставания мужчин»)⁴¹. Анализ особого статуса женщин-руководителей (в специальном исследовании Института социологии РАН) позволил утверждать, что для этой категории женщин характерно представление о профессионализме, отличное от мужского. Именно это представление якобы становится для женщин-руководителей основой «выживания во власти»⁴². В ряду этих «строгих» кодексов есть и те, которые обращаются к менее формализованным, но не менее важным сторонам женской природы. «Кодекс настоящей леди» определяет её отличительную особенность как высокий «стиль»⁴³. А «Кодекс любовницы» формулирует правила женской солидарности и успеха в противостоянии с разными категориями мужчин⁴⁴. В этих кодексах представлено определённое (умеренное) влияние феминизма, но

³⁶ Кодекс современного мужчины. Учебно-методический кабинет. URL: <https://ped-kopilka.ru/semeinaja-biblioteka/kodeks-sovremenogo-muzhchiny.html> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁷ Кодекс чести мужчины Республики Тыва. Последнее обновление: 10.01.2022. Министерство лесного хозяйства и природопользования республики Тыва. URL: <https://mpr.rtyva.ru/node/20888/> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁸ Шеремет А. Кодекс чести настоящего донца. Аргументы и факты — Ростов. 6.04.2022. URL: https://rostov.aif.ru/edu/kodeks_chesti_nastoyashchego_donca_ne_tolko_dlya_malchikov (дата обращения: 04.11.2025).

³⁹ Кратчий Е. Кодекс правильного ловеласа. Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2018/03/02/2009> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁰ Кодекс женщины. Живой журнал. URL: <https://retro-ladies.livejournal.com/504862.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴¹ «Приставания» — не очень ясная категория, но она, вероятно, не является аналогом понятия «харассмента», поскольку последнее имеет более широкое значение и относится как к мужчинам, так и к женщинам. См.: Бурмакина Е. «Девичий кодекс»: женщины назвали самые важные негласные принципы жизни. А42.РУ. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/66026-devichii-kodeks-zhenshiny-nazvali-samye-vazhnye-neglasnye-pr> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴² Добрынина Е. Социологи составили «женский кодекс выживания во власти». Российская газета. URL: <https://rg.ru/2009/06/26/jenschiny.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴³ Кодекс настоящей леди. Живой журнал. URL: <https://permyakovr.livejournal.com/119782.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁴ Предлагается не подстраиваться под мужчин, не афишировать отношений, ничего не требовать, но при этом не иметь дела с мужчинами, ругающими свою жену (женская солидарность?). — Кодекс любовницы: 7 правил очень плохой девочки. FISHKI.NET. URL: <https://fishki.net/2750447-kodeks-ljubovnicy-7-pravil-ocheny-plohoj-devochki.html> (дата обращения: 04.11.2025).

практически отсутствует традиционная западная повестка радикального феминистского и трансгендерного типа.

В этих кодексах прослеживается тренд к пересмотру социальных стереотипов рубежа XX — начала XXI вв. Один из актуальных образов современной девушки, навязанный массовой культурой и шоу-бизнесом, вызывает критику с позиций этического идеала. Данный образ девушки из высшего общества, или так называемой «светской львицы», был сконструирован в США и получил распространение в России в начале 2000-х гг. [Старвумен, Грей, 2004]. Современный рынок — следуя этой логике — превращает красоту в товар, формируя предложение определённого рода услуг, а удержание на этом пьедестале выглядит как настоящая военная операция⁴⁵. В новейшее время данный образ подвергается существенной ревизии с позиций традиционных ценностей. На этом фоне, полагают критики, традиционные добродетели женщины как верного спутника мужчины и хранительницы семейного очага уступают место образу развратной и беспринципной женщины-стервы — циничной «светской львицы», предпринимающей героические усилия по достижению призрачной цели — поддержания элитарного статуса любой ценой, балансируя на грани разорения, утраты идеалов и подлинного смысла жизни⁴⁶. Этот смысл жизни определяется в актуальных кодексах как осознание женщиной своего высшего призыва в семье, материнстве и социализации на этой основе.

Мораль против закона: этические кодексы преступных сообществ

Кодексы преступных сообществ — самостоятельное направление исследований социологии права, юридической антропологии и криминологии. Они могут иметь большую или меньшую степень разработанности и формализации, однако вполне определённо выполняют функцию морального регулирования социальных отношений в преступной среде [Криминология, 2003].

В известных устойчивых криминальных объединениях, наподобие итальянской мафии, представлен достаточно чёткий моральный кодекс. Он регулирует весь «этический универсум» и представляет собой нечто гораздо большее, нежели просто свод правил⁴⁷. Значение данного кодекса определяется как принципиальное для поддержания всей организации: «Зловещая церемония посвящения и “конституция”, первый пункт которой требовал смерти предателей, служили укреплению доверия, поскольку заставляли преступников, обычно предававших друг друга не раздумывая, задуматься о цене предательства» [Дикки, 2022. С. 53]. В постсоветской России кодификация норм таких сообществ не носит стабильного характера, что отражает быструю динамику изменений в данной среде. Это скорее совокупность неписаных норм и обычая, обобщённых в «Воровском законе»⁴⁸ или моральном кодексе «воров в законе»⁴⁹ — своде правил и норм поведения, которым должна

⁴⁵ Пять заповедей начинающей светской львицы. MAIL.RU — @леди. URL: <https://lady.mail.ru/article/132355-pyat-zapovedej-nachinayuschej-svetskoy-lvitsyi/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁶ Светская львица на трофеи войны. СТРАННИК (молодёжный журнал). URL: https://www.strannik-lit.ru/Uly_02_09.html (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁷ Кодекс чести Сицилийской мафии, ставший известным в 1984 г. в результате показаний одного из главарей, полученных судьей Фальконе, включает обряд посвящения «человека чести», приносимую им клятву повиновения, свод основных правил поведения в отношении товарищей и босса, трактовку отношения к религии и государству, систему иерархии, поощрений и наказаний. Главным положением этого кодекса является знаменитая *omerta* — обет молчания и отказ от любого сотрудничества с полицией. В целом, положения данного кодекса имеют давнюю историю, восходящую к истокам формирования мафии, которая рассматривалась некоторыми исследователями даже как ответвление католической церкви, в извращённой форме копируя её уставные нормы и ритуалы тайных масонских организаций.

⁴⁸ Воровской закон. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Воровской_закон (дата обращения: 04.11.2025).

⁴⁹ Кодекс воров в законе. Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Z4JAAYAfXyt9_X9 (дата обращения: 04.11.2025).

руководствоваться элитой преступного мира, а также его представители, признающие их власть («авторитет»).

Этот тип кодексов включает, фактически, все компоненты этического и правового регулирования данной субкультуры, выполняя одновременно функции «морального кодекса», «конституции»⁵⁰, «уголовного кодекса»⁵¹, а также совокупности организационных рекомендаций⁵² и требований по профессиональной пригодности. В качестве важнейших идеологических заповедей в кодексе фигурируют: поддержка «воровской идеи» и защита воровских законов (норм, традиций и правил); жизнь «по понятиям» и знание их смысла; честность перед «товарищами» по криминальной деятельности; солидарность и взаимопомощь в отношении других представителей сообщества, запрет на несправедливое и унизительное отношение к ним. В целом эти этические нормы, имеющие древнее происхождение (восходящие к дореволюционным временам), направлены на поддержание единства и безопасности криминальной субкультуры — «патrimonиального альянса» — «мужского братства» её членов (так называемой «братвы») и воспроизведения организованной преступности.

Подобно другим традиционным сводам этических норм, они, по свидетельству экспертов, не остаются неизменными. Процесс их кодификации относится к 30–40 гг. XX в. Однако в 1990-е гг. они трансформировались в направлении большей гибкости и pragmatизма под влиянием коммерциализации. В новых условиях постсоветского общества прослеживаются тенденции к известной либерализации жёстких запретов, в частности — ослабления традиций, допущения иметь семью и сотрудничества с властями ради прибыли. Эти изменения, безусловно, стали отражением новых социальных условий, определяемых иногда понятиями срашивания криминального, бизнеса и власти, а также проникновением криминального во власть (известные случаи появления уголовных авторитетов в структурах законодательной и исполнительной власти как в центре, так и в регионах). Это отражает гибкость преступного сообщества, способного модернизировать традиционные «понятия» с учётом новых социальных условий, освоения иностранного опыта и технологий [Галеотти, 2019].

Отражая элементы патерналистского и коллектиivistского сознания, данная группа кодексов выстраивает иерархию отношений, напоминающих распределение ролей в большой традиционной семье, с её делением на старших и младших, подчинение которых главе семьи носит почти абсолютный характер, а совокупность моральных предписаний

⁵⁰ «Конституционный блок» данных норм включает весь спектр взаимоотношений преступного сообщества с государством — полный отказ от сотрудничества с государством и особенно правоохранительными органами (отказ от дачи показаний); запрет на занятие официальной трудовой и политической деятельностью; бюджетные правила — уважительное отношение к общей казне — «общаку» (своего рода социальному фонду для поддержки заключённых и коллективных расходов на подкуп властей, покупку оружия, поддельных документов, организацию побегов и т.п.); соблюдение тайны (неразглашение информации о центре базирования — «малине» и тайных коммуникациях преступников); направления социальной активности — установление власти в исправительных учреждениях; даже параметры воспитательной деятельности (вовлечение и обучение молодёжи преступным навыкам).

⁵¹ «Уголовный кодекс» определяет систему кар за нарушение установленных законов и правил поведения — от менее жёстких, наказываемых порицанием (публичная пощёчина) или понижением в должности (из «блатных» в «мужики») до отстранения от должности самого лидера («раскоронования») и предания смертной казни. Известен и ряд требований к бытовому поведению участника криминального сообщества, главным из которых является, вероятно, запрет иметь семью и устойчивые привязанности.

⁵² Нормы преступного кодекса уделяют внимание вопросам организации сообщества, его иерархии и вводят своеобразную систему разделения властей: легитимность решений определяется общим собранием («сходка» или «стрелка»), способным вынести вотум недоверия лидеру — «вору в законе» (вплоть до его разжалования). Определяются и полномочия последнего по руководству организацией, включающие функции поддержания дисциплины, разрешения конфликтов, посредничества в разрешении споров (арбитражная функция); наказание отступников; суды и вынесения приговора в последней инстанции.

жёстко поддерживается всем сообществом, включая контроль частной жизни и бытовых отношений членов сообщества. Эти предписания направлены на поддержание единства и иерархии данной корпорации с учётом новых вызовов, требующих пересмотра некоторых форм поведения с точки зрения их внешнего соблюдения — тенденция, параллельно представленная также в регулировании стандартов поведения сотрудников пенитенциарной системы, ставших актуальными в свете раскрытия СМИ фактов преступного злоупотребления властью⁵³.

В промежуточной зоне этического регулирования криминального (делинквентного) и девиантного поведения находится часть молодёжных субкультур, например, так называемой «дворовой молодёжи» (эвфемизм, означающий близость к криминалиту и её отличие от молодёжи вообще). К ним относится, в частности, «Кодекс пацана» — свод правил и рекомендаций для жизненных ситуаций представителя данной группы⁵⁴. Часть этих представлений отражает традиции поведения «дворовой молодёжи» советского периода, выработавшей неформальный «кодекс чести хулигана», регулировавший правила, которыми должны руководствоваться представители этой субкультуры⁵⁵. В дальнейшем эти моральные установки подверглись релятивизации, обозначив тенденцию к росту жестокости и цинизма в сфере молодёжной преступности. Моральные кодексы криминальных сообществ имеют выраженный антиправовой характер, но сопровождаются жёсткими квазиправовыми санкциями за их нарушение (вплоть до смертной казни).

Таким образом, сохраняя свой преступный характер (в определении идентичности как противостоянии закону), этические нормы криминального сообщества также не избежали известной релятивизации и «инфляции почестей», характерных для всей иерархии постсоветских этических регуляторов.

⁵³ Сам факт детального регулирования отступлений сотрудников пенитенциарной системы от общепринятых норм морали косвенно свидетельствует о типичных параметрах этических и правовых нарушений, не исключающих произвола в отношении заключённых (ставших достоянием общественности в свете обвинений сотрудников ФСИН в применении пыток и уголовных преступлений). В Кодексе этики сотрудников органов принудительного исполнения постулируется «приоритет государственных и служебных интересов над личными», а в качестве позитивных установок предписывается поддержание «товарищества», уважение старших — «по должности, специальному званию или возрасту», преумножение профессиональных традиций органов и готовность передавать служебный опыт молодёжи. В силу этого сотрудникам вменяется воздержание от нецензурной браны, публичного участия в азартных играх, употребление алкоголя «накануне и во время служебных обязанностей», воздержание от «курения при нахождении в форменной одежде» и даже исполнение правил дорожного движения. Эти нарушения Кодекса, впрочем, подлежат исключительно «моральному осуждению»: учитываются в ходе аттестации, при формировании кадрового резерва и продвижении по службе и могут вести к наложению дисциплинарных взысканий (см.: Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения РФ. Федеральная служба судебных приставов. URL: <https://old.fssp.gov.ru/2728799/> (дата обращения: 04.11.2025)).

⁵⁴ Противопоставляя себя обществу, данная субкультура определяет «как жить достойно», отражает «сурочный мир настоящих мужчин, в котором существуют свои законы» для тех, кому «улица стала настоящей школой жизни» и отвергает тех, кого определяет «слюнями, чмошниками, дурачками и другими чушпаниами» [Махов, 2024].

⁵⁵ Эти правила включали определение статуса дворовых банд и их отношений, своеобразный «дуэльный кодекс» — правила драки («до первой крови»), критерии иерархии (отношения старших и младших), поддержания корпоративной солидарности (правила дружбы и отношения к «чужакам»), ухаживания за девушками, поддержания безопасности (стукач «своей смертью не умирает»), своеобразные стандарты поощрений и кар. Формы выражения симпатии и агрессии (см.: Кодекс чести дворовой молодёжи: каким негласным дворовым законам подчинялась советская молодёжь. 06.11.2023. Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZUTqKEdrLxaSg-Y9> (дата обращения: 04.11.2025)).

Моральное регулирование аморального поведения: кодексы девиантных сообществ

Маргинальные субкультуры — те, которые находятся на границе представлений о морали и поведение которых может быть определено как отклоняющееся от стандартных правил, т.е. девиантное. Это значит, что данное поведение не является нарушением уголовных норм (как показано в случае с криминальными субкультурами), но рассматривается часто как нарушение административных норм и в целом аморальное (с точки зрения большинства). К данной категории в России традиционно относятся проституция, хулиганство, азартные игры, а также некоторые формы высказываний и поведения, оскорбляющие общественную нравственность (ненормативная лексика). В то же время следует отметить стремление данных маргинальных сообществ отстоять своё право на существование, апеллируя в том числе к этическим категориям. Особенность этого этического регулирования заключается в том, что данные сообщества, будучи аморальными в глазах большинства, стремятся не только выработать собственный моральный кодекс, но и следовать ему, вводя систему наград и поощрений за соответствие его предписаниям.

Парадокс в том, что чем последовательнее члены данных групп соблюдают их внутренние моральные установки поведения, тем более жёстким становится их обвинение в аморализме. Наиболее подробно эта тема обсуждается в связи с вопросом о легализации проституции. Российская общественная инициатива (РОИ) выдвинула предложение (Инициатива № 78 Ф25700) об отмене статьи 6.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) о запрете занятий проституцией⁵⁶. Данная статья находится в разделе КоАП о правонарушениях, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. Понятие «общественная нравственность» рассматривается авторами инициативы как форма социального лицемерия, ставящего под угрозу жизнь и здоровье женщин-проституток, но не их клиентов и организаторов-сутенёров, а потому признаётся дискриминационной практикой, что ведёт к требованию отмены указанной статьи.

В ходе общественной дискуссии по этому вопросу высказывались прямо противоположные мнения. Одно из них было выдвинуто представительницами секс-услуг, настаивавших на преодолении моральной дискриминации и легализации данного профессионального сообщества вплоть до принятия «Трудового кодекса проституток»⁵⁷. Его структура и положения вполне соответствуют другим кодексам деловой этики, включая систематизированные нормы «коммерческого секса»⁵⁸. Данная профессия, по мнению её представителей, входит в группу риска, а потому принятие этих норм позволит ограничить произвол, насилие и зависимость от сутенёра, позволяя обеспечить медицинский контроль и избежать драматического конца многих представительниц древнейшей профессии.

⁵⁶ Отменить статью 6.11 «Занятие проституцией» Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/25700/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁵⁷ В Нижнем издали Трудовой кодекс для проституток. Комсомольская правда — Нижний Новгород. 1.10.2004. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/23372/228608/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁵⁸ Данные нормы сводятся к следующему: 1) Проститутка должна уважать человеческое достоинство клиента, его потребности и желания, обещать только те услуги, которые она действительно оказывает и стремиться выполнять свои обещания, хранить в тайне доверенные ей сведения, соблюдать установленные ею пределы безопасности и требования к качеству работы. 2) Предписывается «уважать себя», «плоды своего труда» и использовать их «разумно», следуя максиме, что «на деньги всего купить нельзя», а «человеческое достоинство, здоровье и друзья» — «важнее денег». 3) Продавая секс-услуги, — говорит этот кодекс — не нужно, да и невозможно, обслужить всех клиентов: «сексуальные потребности и объекты сексуального интереса так многообразны, что ни один человек не в состоянии предложить их всем без исключения». Не рекомендуется, поэтому, единовременно встречаться «с несколькими мужчинами», особенно, мужчинами «с дурными намерениями» (как будто эти намерения очевидны).

Специальный «Кодекс чести проституток»⁵⁹, написанный, скорее, с позиций содержателя дома терпимости, определяет его как «правила и рекомендации, которые помогают справляться с разными ситуациями во время работы», позволяя этим женщинам понять «как они должны себя вести, что обязаны делать, а также как поступать нельзя». У кодекса две задачи — «исключить неправильные и опасные действия со стороны девушек» и «дать клиентам то, чего они хотят». Подобно ряду стандартных кодексов корпораций или делового поведения, положения данного кодекса ни в коей мере не защищают прав женщин-проституток, но накладывает на них многочисленные обязанности, вытекающие из представления об эффективности бизнеса⁶⁰. Важная особенность кодексов девиантного поведения состоит в том, что общепринятые нормы морали или делового поведения не отрицаются (в отличие от кодексов криминального поведения), но служат достижению социализации в предположительно аморальной субкультуре. Жёсткие моральные императивы маргинальных сообществ порождают ситуацию, известную как преступления без наказания (например, обман клиента проституткой) или наказания без преступления (моральный ostrакизм или изгнание из сообщества за нарушение его этического кодекса, например, при неуплате карточного долга). Это — общее правило в отношении всех так называемых «аморальных сделок», которые трудно квалифицировать с позиций действующего гражданского или административного права⁶¹. Таким образом, моральные кодексы девиантного поведения, внешне мало отличные от кодексов конформного поведения, вполне могут выполнять роль усиления антисоциальных трендов, но их юридическая квалификация остаётся неопределенной.

Ключевая роль нормативного регулятора отношений сторон в кодексах девиантного поведения принадлежит, вероятно, понятию доверия сторон сделки друг к другу. Условия обеспечения доверия друг другу участников аморальной сделки не могут иметь тех социальных гарантий, которые присутствуют в правомерных и этически оправданных сделках. Последние находятся в области трактовки таких понятий, как традиции,

⁵⁹ Кодекс чести проституток. URL: <https://bestgirls.onerpage.website/> (дата обращения: 04.11.2025).

⁶⁰ Круг этих обязанностей проституток включает: соблюдение различных медицинских правил («никогда не врать о своем здоровье»); оказание качественных услуг («ставить интересы клиента выше собственных» и требовать оплату только по предоставлении услуг), соблюдать коммерческие интересы («полностью соответствовать своей стоимости», не предоставлять услуги «бесплатно» или оказывать их «в долг»); соблюдать права и интересы клиента (не разглашать информацию о нём или «делиться подробностями интимных встреч»); проявлять корпоративную солидарность (запрещается «заниматься дискредитацией других проституток»); соблюдать правила делового этикета (например, не пользоваться «обильным количеством парфюма»). Эти нормы имеют, скорее, рекомендательный характер, но, по мнению их автора (или авторов), «любой клиент всегда отдаст предпочтение именно тем, кто знает о кодексе и выполняет его требования, правила и запреты».

⁶¹ Аморальными в российском гражданском праве считаются сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности, признаваемые на этом основании ничтожными. Но признание сделки аморальной — сложное дело, поскольку понятие нравственности является оценочным, меняется со временем и допускает различные интерпретации. В ряде случаев безнравственность сделки может быть легко установлена в силу противоречия правовым нормам (например, договоры о найме киллера, продаже детей, содержании в рабстве, лжесвидетельстве, оказании платных сексуальных услуг и т.п.). Но в других случаях аморальность не очевидна и требует от суда рассмотрения конкретных обстоятельств дела, мотивов и целей заключения сделки. Трудность состоит в том, чтобы дать их точную юридическую квалификацию, например при определении юридической силы договоров об оплате услуг эскортницы, продажи девственности или завуалированного требования уплаты карточного долга, поскольку некоторые из них трудно отличить от стандартных договоров по оказанию услуг и практик современного бизнеса, которые теоретически также вполне могут быть квалифицированы как аморальные.

обычаи, общие нравственные принципы справедливости и тому подобные категории⁶². Но обеспечение доверия в сфере девиантного поведения не может быть гарантировано уже в силу моральной сомнительности сделки, неопределенности статуса её участников и отсутствия инстанции, способной осуществлять беспристрастное наблюдение за соблюдением договора и наказания за его нарушение.

Заключение. Моральный синкретизм как выражение нормативных дисфункций социальной трансформации

За провозглашаемым внешним единством этических представлений современного российского общества скрывается его нравственный синкретизм⁶³. Этические кодексы должны быть разделены на те, которые инициированы властью и другими публичными институтами (государством, корпорациями, руководством профессиональных сообществ) и те, которые отражают спонтанную самоорганизацию сообществ (и исторически сформировавшиеся в них ценности), выполняя преимущественно функции консолидации, социальной дрессировки и поддержания иерархии внутри данных сообществ. От направления, системности и координации этого регулирования, а также сопутствующих им мер контроля, зависит объём и интенсивность «морализации» формальных норм, институтов и практик, включая их избирательную морализацию, граничащую с социальным лицемерием. Отношение к праву трансформируется определением смысла конвенциональных этических норм, в том числе самых важных — представлений о добротели, границах нравственного выбора, свободы, совести и долга. Из инструмента простой конкретизации общих моральных представлений в профессиональной деятельности кодексы способны стать формой обеспечения лояльности внутри замкнутых девиантных сообществ корпоративистского типа, имеющих мало точек соприкосновения друг с другом за пределами универсальных моральных стандартов.

Универсальные или конвенциональные (т.е. разделяемые большинством и поощряемые государством) нормы могут сохранять свой императивный характер в сообществах

⁶² Эти категории присутствуют и при заключении вполне правомерных сделок. Понятие «доверия» представлено, например, в кодексе адвокатской этики. Кодекс подробно рассматривает круг возможных этических проблем в этой области, связанных со « злоупотреблением доверием» — нарушением адвокатской тайны, обеспечивающей иммунитет доверителя, предоставленный ему Конституцией РФ. С этих позиций Кодекс подробно фиксирует целый ряд этических вопросов, требований и условий их осуществления — независимость, соблюдение профессиональной тайны (адвокатская тайна), отношения с доверителем, злоупотребление доверием, дача свидетельских показаний, корректность поведения в суде, оказание юридических услуг, отношения с адвокатской палатой, обоснованность гонорара, публичные комментарии, меры дисциплинарной ответственности. Но категория доверия здесь не абсолютна и подвержена серьёзным ограничениям, поскольку «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли заявителя», что исключает выполнение адвокатом его требований, связанных с нарушением закона или этических норм, за которыми Кодекс признаёт общезначимый характер, устанавливаемый и разъясняемый Комиссией по этике и стандартам — коллегиальным органом Федеральной палаты адвокатов (См.: Кодекс профессиональной этики адвоката. Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01. 2003 г. (с изменениями и дополнениями 2005, 2007, 2013, 2015, 2017, 2021 гг.). Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 4.11.2025)). Этих ограничений не может предусматривать договор аморальной сделки: возможный обман клиента проституткой или мошенником (включая ситуации, когда они получали удостоверение адвоката или государственного служащего для прикрытия своей подлинной деятельности) едва ли может толковаться как « злоупотребление доверием», поскольку выглядит почти естественной платой клиента за риск сознательного принятия условий аморальной сделки в ситуации нормативного вакуума.

⁶³ Синкретизм (лат. *suncretismus*) — устойчивое объединение (сочетание) разнородных принципов и начал в одной системе без их объединения. Эта разнородность этических принципов выражается в кодексах, внешнее сходство которых не свидетельствует о содержательном единстве понимания смысла ценностей, норм и правил поведения, которые сохраняют противоречивый или даже взаимоисключающий характер.

разного типа, в том числе — маргинальных, отстаивающих их применение для достижения целей, сомнительных или неприемлемых с моральной точки зрения. Они могут получать различные трактовки путём конкретизации их смысла применительно к определённым видам деятельности, иногда спорным с легальной точки зрения, или, напротив, получать расширительную трактовку, граничащую с установлением жёстких квазиправовых регламентов поведения в данном сообществе. С этим связана различная интерпретация правовых норм в кодексах разной направленности — формальное признание необходимости следовать им, их ограничение профессиональными требованиями к реализации или их полное отрицание (в кодексах преступных сообществ).

Кодексы различаются по таким параметрам, как институты, создающие их, роль в обеспечении социальной идентичности данной социальной группы и характер санкций за их нарушение (от правовых санкций до морального ostrакизма). Но в целом они успешно выполняют роль мощного социального регулятора, где индивид оказывается принуждён принять их положения под угрозой утери статуса, работы, должности или применения к нему не менее жёстких моральных санкций. Не имея по большей части юридического закрепления, этические кодексы в их совокупности определяют «моральную конституцию» общества — поощряемую систему ценностей, правил и установок поведения критически важных социальных групп — от чиновников, военных и бизнесменов до маргинальных сообществ, балансирующих на грани допустимых правовых норм или переходящих её.

Анализ корпуса этических кодексов в их трансформации убеждает в существовании имманентного противоречия традиционных этических стандартов (восходящих к религиозной или идеологической преемственности) и требований профессиональной эффективности. На пересечении их требований во всех без исключения кодексах формируется понятие тайны — ядра всех кодексов и служебных ритуалов в отношениях с обществом. Это — и тайна следствия, и судебная, адвокатская, нотариальная, журналистская, медицинская тайны, и корпоративная тайна, и тайна персональных данных и т.д. У них совершенно разный объём, степень защиты и формы контроля, а их соблюдение оспаривается сторонниками тотальной свободы в информационном пространстве. В кодексах маргинальных сообществ к ним добавляется защита тайны этих объединений от государственного и социального контроля в виде запретов на раскрытие информации, способной подорвать их единство (закон омерты в преступных сообществах). Но везде введение этого понятия как этической нормы имеет определённый смысл. Понятия тайны, ритуала и кодирования информации с помощью специальной терминологии есть традиционный способ отделения автономного профессионального сообщества от так называемого профанного сознания, не посвящённого в секреты профессионального мастерства.

Моральный синкретизм, отражаемый кодексами, связан с усложнением инфраструктуры общества, механизмом спонтанной селекции моральных императивов и усилением их конкуренции в условиях растущей непредсказуемости результатов социальной трансформации. Это позволяет высказать предположение, что задача соответствующих профессиональных кодексов — способ корректировки общезначимых моральных ценностей в интересах соответствующих профессиональных сообществ безотносительно к содержанию и мотивации их поведения. По мере распространения таких кодексов их вынуждены принимать даже те, кто в них не нуждается, в том числе маргинальные сообщества, ранее избегавшие такой кодификации или критически относившиеся к ней по роду деятельности (как, например, лица свободных профессий). А сама дискуссия об их принятии разными сообществами может стать инструментом формирования (ограничения) их реального публично-правового статуса. Следуя по этому пути, кодексы определяют идентичность сообщества, устанавливают рамки контроля и формируют

систему дисциплинарных ограничений, выполняющих дрессирующую роль. Эти рамки могут быть конституционными или экстра-конституционными, но в ряде случаев они вступают в противоречие с юридическими нормами, ограничивая или дезавуируя применение последних.

Принятие кодифицированных стандартов морального регулирования для маргинальных сообществ есть форма и инструмент самоорганизации в условиях растущего нормативного вакуума в трансформирующемся обществе. Эта тенденция может быть выражена итоговой формулой: чем выше уровень моральной консолидации и контроля внутри данных сообществ, тем выше степень их обособленности и противостояния общезначимым представлениям конвенциональной добродетели.

Импульс к размыванию традиционных границ нравственности находит выражение в дифференциации этических установок общества на уровне социальной стратификации — публичных институтов, сообществ, социальных и профессиональных групп, а также различных маргинальных субкультур. Систематизация этих установок в этических кодексах фиксируется как на межгрупповом уровне, так и на уровне внутригрупповой иерархии, вплоть до самоизоляции отдельных субкультур. Результатом становится появление новых (конкурирующих между собой) иерархий моральных установок, закрепляемых этическими кодексами посредством введения специальных норм, ритуалов и правил поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Боулз С. (2017). *Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан.* — М.: Издательство Института Гайдара.
- Вебер М. (1994). *Избранное. Образ общества.* — М.: Юрист.
- Галеотти М. (2019). *Воры. История организованной преступности в России.* — М.: Individuum.
- Дикки Дж. (2022). *Cosa Nostra. История сицилийской мафии.* — М.: Эксмо.
- Дюмон Л. (2001). *Homo Hierachicus. Опыт описания системы каст.* — СПб: Евразия.
- Дурасов В. (2012). *Дуэльный кодекс.* — СПб.: Тип. «Сириус».
- Жолудева Н.Р. (2015). К вопросу об общественной реакции на археологические открытия // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология.* Т. 13. С. 106–113.
- Залкинд А.Б. (1924). *Революция и молодежь.* — М.: Коммунистический университет им. Я. Свердлова.
- Коломбатто Э. (2016). *Рынки, мораль и экономическая политика.* — М.: Мысль.
- Кребер А. (2004). Стиль и цивилизация // Кребер А. (2004). *Избранное: природа культуры.* — М.: РОССПЭН. С. 803–928.
- Криминология (2003) / Под ред. Дж.Ф. Шели. — М.: Питер.
- Макклоски Д. (2018). *Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции.* — М.: Издательство Института Гайдара.
- Махов А.В. (2024). *Настоящий кодекс пацана.* — М.: Эксмо.
- Медушевский А.Н. (2015). *Социология права.* — М.: Директ-Медиа.
- Моисеева Е.Н. (2010). Рынок ритуальных услуг: трансформация правил ритуала в правила рынка // *Экономическая социология.* Т. 11. № 3. С. 84–99.
- Московчук Л.С. (2019). Этос краеведения: этические основания и моральные императивы // *Наследие веков.* № 3. С. 29–35. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002.
- Оболонский А.В. (2016). *Этика публичной сферы и реалии политической жизни.* — М.: Мысль.
- Рэдклифф-Браун А.Р. (2001). *Метод социальной антропологии.* — М.: Канон-Пресс.
- Свешников В. прот. (2003). Этика общественного служения // *Русское православие. Вечное в настоящем.* №10. 17.07.2013. URL: https://social-orthodox.info/pages/1_3_dopmat_etika_obshestvennogo_sluzh.htm (дата обращения: 04.11.2025).
- Соломатин Е. (2017). Может ли священник после исповеди рассказать о готовящемся преступлении? URL: https://zakon.ru/blog/2017/4/11/mozhet_li_svyaschennik_posle_ispovedi_rasskazat_o_gotovyaschemsa_prestuplenii_a_o_nevozmozhnosti_li (дата обращения: 04.11.2025).
- Старвумен А., Грей Д. (2004). *Светская львица, или Как стать девушкой из высшего общества.* — М.: Феникс, 2004.

- Толстой Л.Н. (2010). В чём моя вера? // Толстой Л.Н. Избранное. — М.: РОССПЭН. С. 322–474.
- Цвайгерт К., Кемиц Х. (2000). Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. — М.: Международные отношения. Т. 1–2.
- Appiah A. (2010). *The Honor Code: How Moral Revolutions Happen*. — New York: Northon.
- Baker R. (2019). *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Eriksen C. (2020). *Moral Change: Dynamics, Structure, and Normativity*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Frohnen B.P., Garey G.W. (2016). *Constitutional Morality and the Rise of Quasi-Law*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

REFERENCES

- Appiah A. (2010). *The Honor Code: How Moral Revolutions Happen*. — New York: Northon.
- Baker R. (2019). *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- Bowles S. (2017). *The moral economy. Why good incentives are no substitute for good citizens*. — М.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Colombatto E. (2016). *Markets, morals, and policy-marking. A new defence of free-market economics*. — М.: Mysl'. (In Russ.).
- Criminology. (2003). *A Contemporary Handbook* / J.F. Sheley (ed.). — М.: Piter. (In Russ.).
- Dickkie J. (2022). *Cosa Nostra. History of the Sicilian Mafia*. — М.: Eksmo. (In Russ.).
- Dumont L. (2001). *Homo Hierachicus. Essay on the System of Casts*. — SPb.: Evrazia. (In Russ.).
- Durasov V. (2012). *Dueling Code*. — SPb.: Sirius Tografiya. (In Russ.).
- Eriksen C. (2020). *Moral Change: Dynamics, Structure, and Normativity*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Frohnen B.P., Garey G.W. (2016). *Constitutional Morality and the Rise of Quasi-Law*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Galeotti M. (2019). *Thieves. History of Organized Crime in Russia*. — М.: Individuum. (In Russ.).
- Kroeber A. (2004). Style and civilization // Kroeber A. (2004). *Selected Works: the Nature of Culture*. — М.: ROSSPEN. Pp. 803–928. (In Russ.).
- Makhov A. V. (2024). *The Real Code of the Kid*. — М.: Eksmo. (In Russ.).
- McCloskey D.N. (2018). *The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce*. — М.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Medushevsky A.N. (2015). *Sociology of Law*. — М.: Direkt-Media. (In Russ.).
- Moiseeva E.N. (2010). The market of funeral services: transformation of ritual rules into market rules // *Economic sociology (Ekonomicheskaya sotsiologiya)*. Vol. 11. No. 3. Pp. 84–99. (In Russ.).
- Moskovchuk L.S. (2019). The Ethos of Local History: The Ethical Foundation and Moral Imperatives // *Heritage of Centuries (Nasledie vekov)*. No. 3. Pp. 29–35. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.002 (In Russ.).
- Obolonsky A.V. (2016). *Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life*. — М.: Misl'. (In Russ.).
- Radcliffe-Brown A.R. (2001). *Method in Social Anthropology*. — М.: Kanon-Press. (In Russ.).
- Solomatin E. (2017). *Can a priest tell about a planned crime after a confession?* URL: https://zakon.ru/blog/2017/4/11/mozhet_li_svyaschennik_posle_ispovedi_rasskazat_o_gotovyaschemsya_prestuplenii_a_o_nevozmozhnosti_li (In Russ.).
- Starwoman A., Gray D. (2004). *The Socialite, or How to Become a High Society Girl*. — М.: Fenix. (In Russ.).
- Sveshnikov V. prot. (2003). Ethics of Public Service // *Russian Orthodoxy. Eternal in the Present*. No. 10. (Electronic resource). 17.07.2013. URL: https://social-orthodox.info/pages/1_3_dopmat_etika_obshestvennogo_sluzh.htm (In Russ.).
- Tolstoy L.N. (2010). What is my faith? // *Tolstoy L.N. Selected Works*. — М.: ROSSPEN. Pp. 322–474. (In Russ.).
- Weber M. (1994). *Selected Works. Image of Society*. — М.: Jurist. (In Russ.).
- Zalkind A.B. (1924) *Revolution and Youth*. — М.: Sverdlov Communist University (Kommunisticheskiy universitet im. YA. Sverdlova. (In Russ.).
- Zholudeva N.R. (2015). On the issue of public reaction to archaeological discoveries] // *Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology»* Vol. 13. Pp. 106–113. (In Russ.).
- Zweigert K., Kötz H. (2000). *Introduction into Comparative Studies of Law in the Area of Private Law*. — М.: International relations (Mezhdunarodnyye otnosheniya). Vol. 1–2. (In Russ.).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

VIRTUE AND VICE: ETHICAL CODES OF MARGINAL COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA

Abstract. It is generally accepted that the basis of social and legal stability in any society is a consensus on virtue — the fundamental values of proper behavior, ways of maintaining and reproducing them. And, conversely, the destruction of this consensus is a sign of the loss of stability and divergence of positions of social institutions, groups and professional communities in understanding and applying norms and sanctions for their violation. This schematic representation poorly explains the parameters of the moral crisis of the era of globalization: the reasons for the loss of the meaning of the concept of virtue as the basis of the moral universe of humanity; the rejection of universal moral standards previously supported by religion or ideology, the growing conflict of their interpretations in different cultures, confessional and ethnic communities, the confrontation of value hierarchies within national cultures and individual groups, and most importantly — the lack of common moral guidelines of what to strive for. In these conditions, the dominant global trend has become the appeal to the codification of norms of so-called “pragmatic ethics” — the development of various codes of proper behavior for individual social and professional groups, which in this way seek to express their identity, functions and place in the dynamics of changes in the social hierarchy. This general fashion for the creation of ethical codes has captured post-Soviet Russia and is considered almost a panacea for moral distortions and the basis for effective social regulation. Meanwhile, the codification of ethical standards of all social subcultures without exception means a tacit recognition of both their insurmountable contradictions and that part of them that does not share conventional standards of virtue or clearly rebels against them. On this basis, the phenomenon of moral anomie (that is, the destruction of the entire normative system) and the justification of non-conformist and immoral behavior arises. What should be the parameters and limits of its acceptance in a democratic society, and most importantly — who sets them? This range of problems becomes the subject of analysis for the first time in this article, based on the entire corpus of the latest ethical codes of marginal communities in modern Russia.

Keywords: *virtue, vice, faith and reason, ethical codes, conformist, deviant and criminal behavior, nihilism, amorality, moral mysophobia, moral insanity, marginal communities of Russia.*

JEL: K14, K15, L84, Z00.